

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ПОХОДАХ СВЯТОСЛАВА НА ДУНАЙ И ИХ ИСТОЧНИКИ

Наиболее полный источниковедческий анализ летописных известий о походах Святослава на Дунай выполнен А.А. Шахматовым. Главный его вывод сводится к тому, что в киевскую летопись эти сведения попали на этапе создания Древнейшего свода 1037–1039 гг., а в их основе был «книжный источник, рассказывающий о Святославе с точки зрения болгарина или грека». По мере изложения своих мыслей А.А. Шахматов все больше утверждался в убеждении, что о походах Святослава на Дунай «составитель Древнейшего свода знал из болгарской хроники»¹. К концу исследования о «точке зрения грека» он уже не упоминал.

В последующем, учитывая большой летописеведческий авторитет А.А. Шахматова в области исследования русских летописей, высказанные им выводы обрели хрестоматийную непреложность и до наших дней остаются по существу определяющими по этой теме. Между тем в данном случае он предложил не строгое научное исследование, базирующееся на источниках, а достаточно вольные авторские размышления. К тому же определенно тенденциозные, основывающиеся на том, что о подвигах Святослава на Дунае на Руси не было никаких более ранних записей и преданий. «Не колеблясь, – писал А.А. Шахматов, – отнес бы я эти сообщения о подвигах Святослава, о разбитии им впятеро сильнейшего греческого войска, о богатой дани, взятой с греков, насчет русской исторической песни, русского предания, если бы мне удалось убедиться в существовании такой песни, такого предания»².

Цитированная фраза с точки зрения строгого источниковедения не может вызвать возражения. Конечно, в существовании источника надо бы убедиться. Странно однако, что такую щепетильность А.А. Шахматов проявил только к возможному русскому источнику. К предполагаемому болгарскому он отнесся совсем по-другому. Утверждение о «болгарской» хронике никак не сопряжено у него с личным убеждением в ее наличии³. И это при том, что болгарская историческая письменность вообще не знала такого жанра, как хроники, в то время как русские исторические песни или предания несомненно были. Удивительно, что отрицая наличие на Руси какой бы то ни было памяти о византийских походах Святослава, А.А. Шахматов полагал, что события более ранние были зафиксированы и письменно, и устно. Речь идет о

¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 122–132.

² Там же. С. 131.

³ Примечательно, что в своем исследовании А.А. Шахматов озаботился не тем, как обосновать предположение о наличии «болгарской» хроники, а тем, кто «воспользовался ею – составитель Начального свода или еще составитель Древнейшего летописного свода?» (Шахматов А.А. Разыскания... С. 124.)

повести об Ольге, в которой сообщалось о ее кончине в 6477 г., а также устном предании об осаде Киева печенегами во время отсутствия на Руси Святослава⁴.

Уместно здесь отметить и еще одно противоречие в построениях А.А. Шахматова. Сводится оно к тому, что в рассказе о походах Святослава на Дунай, все-таки, содержатся и свидетельства, основанные на русских источниках. К таким исследователь относил фразу византийского императора о дани, которую он предлагал в обмен на мир. «И посла царь, глаголя сице: “не ходи къ граду, возми дань, еже хочещи”; замаломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда»⁵.

Как полагал А.А. Шахматов, она была внесена в летопись на этапе составления Начального свода, который «охотно дополнял свой рассказ из народных преданий и песен». Правда, памятуя о сказанном ранее, он предположил, что предание это, быть может, вспоминало не Святослава, а старшего князя (Олега)⁶. Но это сомнение не столько подкрепляет аргументы А.А. Шахматова, сколько ослабляет их. Ведь, если в конце XI в. на Руси сохранялась память о событиях начала X в., то на каком основании мы можем утверждать, что в 30-е годы XI в. такая память напрочь отсутствовала о событиях конца X в.?

Прежде чем перейти к анализу конкретных летописных известий о походах Святослава на Дунай, остановимся коротко на вопросе о времени включения их в летопись. А.А. Шахматов полагал, что основной объем информации об этих событиях был записан составителем Древнейшего летописного свода, отдельные вставки сделал сводчик, работавший над Начальным сводом (1093 г.)⁷. Автор этих строк, исследуя договор Святослава с Иоанном Цимисхием, предположил, что он, как и более ранние договоры Руси с греками, скорее всего, был внесен в летопись уже в конце X в., когда создавался летописный свод 996 г. при Десятинной церкви. Тогда же появились в летописи и рассказы о дунайских походах Святослава⁸. Этому предположению, как будто, противоречит вывод Д.С. Лихачева о вставном характере повествования о заключении Святославом мира с греками и самого текста договора⁹. Они помещены между сообщением о решении Святослава идти на Русь за пополнением своего войска: «Поиду в Русь, приведу боле дружины», и исполнением этого решения: «Поиде в лодыяхъ къ порогомъ». Но, во-первых, текстовая вставка, даже если признать ее таковой, не указывает на время ее появления, а, во-вторых, летописная статья 971 г. не дает для такого вывода сколько-нибудь убедительных оснований.

Потерпев поражение и опасаясь потерять остатки своей дружины – «како прельстивше избють дружину мою и мене», – Святослав принимает решение вернуться на Русь. Но исполнить его, находясь во вражеском окружении, он не мог без заключения мира с греками. Следовательно, вторым его логическим шагом была посылка к Цимисхию послов с предложением мира. Если бы повествования об этом не было в летописи, равно как и текста заключенного договора, было бы непонятно, как стало возможным возвращение на

⁴ Шахматов А.А. Разыскания... С. 125.

⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. СПб., 1996. (Далее: ПВЛ). С. 51.

⁶ Шахматов А.А. Разыскания... С. 131.

⁷ Там же. С. 131.

⁸ Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 20.

⁹ ПВЛ. С. 299–300, 446–447.

Русь Святослава и его дружины. В этом отношении рассказ Новгородской первой летописи, в котором отсутствуют эти тексты, следует рассматривать не как первичный, дополненный впоследствии составителем «Повести временных лет», а как сокращенный вариант полного киевского повествования¹⁰.

По существу, никакого разрыва фразы в «Повести временных лет» нет. Повествование о решении Святослава заключить мир логично продолжает предыдущий текст. На совете с дружиною он обосновывает необходимость примирения с греками тем, что «мало насть есть», а «Руска земля далече». При этом, как и до фразы «Поиду в Русь», сообщается о присылке от царя богатых даров – «больша первых». Присутствует здесь и мысль о возможном новом приходе на Дунай. «Аще ли почнеть (царь. – П.Т.) не управляти дани, да изнова из Руси, совокупивше вои множайша поидемъ Царюгороду»¹¹. Логичным продолжением, предполагаемой вставки, является и начало сообщения о возвращении Святослава на Русь. «Створив же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьяхъ к порогомъ»¹². Без «мира» сделать этого он не мог.

Сказанное выше дает больше оснований видеть в летописной статье 971 г. цельный рассказ о втором дунайском походе Святослава, к тому же составленный вскоре после происшедших событий. Если это предположение верно, то необходимость поиска иностранных первоисточников летописных известий вообще отпадает. В это время еще были живы многие из участников походов, не исключено, что и те «лѣпшиѣ мужи», которые поведали Иоанну Цимисхию «вся рѣчи Святославля». Сведения о его деяниях на Балканах можно было получить, что называется, из первых уст. Но даже если летописная фиксация этих событий произошла и на этапе составления Древнейшего свода, это все равно не так далеко от времен Святослава, чтобы на Руси совершенно изгладилась память о его дунайских походах и сведения о них необходимо было бы разыскивать в иноземных источниках. Составитель Древнейшего свода вполне мог еще застать в живых участников или свидетелей этих походов и общаться с ними. Ведь известно, что автор «Повести временных лет» пользовался информацией девяностолетнего Яна Вышатича, которую и занес на страницы летописи¹³.

И так, что же конкретно в летописном тексте показалось А.А. Шахматову сомнительным с точки зрения русского происхождения его источников? Прежде всего имеющиеся в нем подробности, которых, будто бы, не могла удержать русская историческая песня или предание. Среди них упоминание о двух походах Святослава на Болгарию, а также о покорении им 80 городов по Дунаю. Эти сведения, согласно А.А. Шахматову, необходимо признать свидетельством лица, знакомого с Болгарией и Дунаем и знавшего, что по Дунаю насчитывается 80 городов¹⁴. Не исключено, что здесь мы действительно имеем дело с каким-то письменным источником, повлиявшим на русскую летопись, но почему обязательно болгарским. О 80 городах, воздвигнутых на Дунае Юстинианом, писал Прокопий Кесарийский, несомненно знали о них и на Руси.

¹⁰ Поздние летописцы нередко прибегали к сокращениям более древних свидетельств, как заметил псковский книжник, писали «от многа мало».

¹¹ ПВЛ. С. 34.

¹² Там же. С. 35.

¹³ ПВЛ. С. 186.

¹⁴ Шахматов А.А. Разыскания... С. 122.

В болгарских песнях фигурирует хотя и близкая, но другая цифра – 77 городов. Следовательно, в гипотетической «болгарской» хронике естественнее было бы ожидать именно это число, что позволяет скорее усомниться в зависимости от нее русской летописи, чем видеть в этом аргумент в ее пользу. Что касается упоминания о двух походах, о чем свидетельствуют греческие источники, то считать это специфической подробностью, которая не могла сохраниться в русском народном предании, совершенно нет никаких оснований. Походы ведь совершались из Киева, участие в них принимали десятки тысяч русичей. И конечно же, на Руси знали о них и спустя многие десятилетия.

Не убедительным кажется и объяснение А.А. Шахматова летописной фразы: «И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты»¹⁵. Она, как казалось исследователю, также зависима от письменного источника, составленного не русским, а лицом, знакомым с топографией той местности, где действовал Святослав¹⁶. Но, во-первых, никакого особого знакомства с топографией местности эта фраза не обнаруживает. А, во-вторых, не может быть и малейшего сомнения в том, что и сам Святослав, и его окружение достаточно хорошо ориентировались в этой самой топографии, поскольку не только осуществили сюда два похода, но и продолжительное время владели Переяславцем на Дунае.

Но, пожалуй, самым существенным возражением против утверждения А.А. Шахматова, что приведенная фраза свидетельствует о зависимости составителя Древнейшего свода от какого-то нерусского письменного источника, является то, что она вообще не принадлежит этому летописцу. Это, несомненно, позднейшая вставка, внесенная в летопись, скорее всего, автором «Повести временных лет». Это его стилистика. К числу заимствований из «болгарской» хроники А.А. Шахматов отнес и речь Святослава, обращенную к матери и боярам. «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь»¹⁷.

Об этих выгодах местоположения Переяславца, как считал А.А. Шахматов, мог знать Святослав и хвастаться перед матерью и боярами, но знал ли об этом скромный монах, сочинявший летопись в XI в., знало ли об этом русское предание? Ответ его однозначен: конечно не знали¹⁸. Однако более уместен был бы здесь другой вопрос: откуда болгарскому (или греческому) хронисту стало известно, что говорил Святослав в далеком Киеве своей матери? Наверное такая мысль приходила на ум и А.А. Шахматову, а поэтому он высказал предположение, что речи этой и вовсе не было. Ее сочинил болгарский (или греческий) хронист и вложил в уста Святослава. Да и «произнесена» она им не в Киеве, а в Переяславце, после вторичного овладения русскими этим городом¹⁹.

Думается, это слишком сложное объяснение. Ничего такого в содержании этой речи, что указывало бы на сочинение ее нерусским автором, нет.

¹⁵ ПВЛ. С. 50.

¹⁶ Шахматов А.А. Разыскания... С. 122.

¹⁷ ПВЛ. С. 48.

¹⁸ Шахматов А.А. Разыскания... С. 123.

¹⁹ Там же. С. 123, 128.

О том, что Болгария прельстила Святослава своим богатством и благоденствием, русскому летописцу не нужно было вычитывать в какой-то «болгарской» или «греческой» хронике. На Руси это хорошо знали со времен византийских походов первых русских князей Аскольда, Олега и Игоря. Несомненно, понимали это Святослав и его окружение, уже вкусившие преимущества владения Переяславцем. Сюда к русским присылали дань греки, и здесь же они видели купцов соседних стран. По своему строю речь Святослава сугубо киевская. Начинается она с объяснения матери и боярам причин предпочтения Киеву далекого Переяславца: «Не любо ми есть в Киевѣ быти». Фраза, произнесенная в Переяславце, конечно же, должна звучать по-другому. Там у Святослава были другие эмоции и другие слушатели. Собственно, эта речь и присутствует в летописи. Начинается она с объявления Святославом Переяславца своим городом²⁰.

Совершенно непонятно, как мог А.А. Шахматов отнести к речи, произнесенной в Переяславце, и фразу: «Яко то есть среда земли моей». Ведь она недвусмысленно указывает на то, что говоривший эти слова находился не в этой самой «среде земли». Из киевского далека Святослав смотрел на Переяславец и говорил: «То есть среда земли моей». Если бы он эту же мысль выражал в самом Переяславце, несомненно сказал бы: «Се есть среда земли моей». Как он сказал: «Се город мой».

Подозрение А.А. Шахматова относительно заимствования русским летописцем киевской речи Святослава из иноземного письменного источника, как это видно из его исследования, основывается в значительной мере на том, что другая его речь, произнесенная перед сражением при Доростоле, действительно имеется в греческих источниках. Она записана Львом Диаконом, а также Иоанном Скилицей²¹. Поскольку у Скилицы, как казалось А.А. Шахматову, эта речь передана даже ближе к русской летописи, он высказал предположение, что этот автор использовал еще какой-то источник, принадлежавший современным событиям автору²². Разумеется, это достаточно серьезный аргумент в пользу возможной зависимости киевского летописца от более раннего письменного источника. Поскольку ни Льва Диакона, ни Иоанна Скилицы автор Древнейшего свода читать не мог, А.А. Шахматов предположил, что в его руках, вероятно, оказался тот аноним, которым пользовался Скилица. Речь идет о все той же неизвестной «болгарской» хронике²³. В действительности ни у кого из названных греческих авторов нет и намека на то, что они, при описании дунайских походов Святослава, пользовались каким-то письменным источником. Иоанн Скилица был зависим от Льва Диакона, а последний вполне определенно говорит о том, что пользовался устной информацией.

Вот только несколько примеров. Описывая битву русских за Переяславец, Лев Диакон заметил: «Рассказывают, будто во время этого наступления

²⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 2 (Ипатьевская летопись). М.; Л., 1960. «И взя городъ копьемъ, рья: се городъ мой...». Статья 971 г.

²¹ *Диакон Лев*. История. М., 1988. С. 79, 130; *Васильевский В.Г.* Хронологические разыскания о годе смерти Святослава Игоревича. Записки Императорской Академии наук. Т. 38. СПб., 1876. С. 167.

²² *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 124.

²³ Там же.

погибло восемь тысяч пятьсот скифов»²⁴. После изложения прямой речи Святослава, он продолжил эту тему следующими словами: «О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные»²⁵. Сражение под Доростолом подытожено фразой: «Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов»²⁶. Свидетельство о том, что хлеб на дорогу получили только двадцать две тысячи росов, также начинается со слова «говорят»²⁷. Поскольку завершение «Истории» Льва Диакона относится к 989–990 гг., есть основания предполагать, что «рассказывали» ему о битвах Святослава с греками участники или свидетели этих событий.

Теперь о похожести речи Святослава во всех трех источниках. Разумеется, ничего необычного в этом нет. Было событие, и вполне естественно, что оно более-менее сходно отразилось в позднейших его припоминаниях и письменной традиции. Что касается текстуального родства, то здесь не все так однозначно. Ближе оно в текстах Льва Диакона и Иоанна Скилицы, что вполне естественно, учитывая использование последним труда своего предшественника. Древнерусская летопись текстуального сходства речи Святослава с отраженными в греческих произведениях, по существу, не обнаруживает, что было бы маловероятным, если все три автора имели в своих руках общий письменный протограф.

Наиболее полно речь Святослава передана Львом Диаконом, и нет сомнения, что многое в ней от литературного искусства автора. Так длинно и стилистически безупречно Святослав, скорее всего, не говорил, хотя основное содержание его призыва к сражению, по-видимому, верно отражено греческим автором. Вот что записал Лев Диакон: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабошавшие целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. И так проникнемся мужеством, которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей»²⁸.

У Иоанна Скилицы, по существу, прямой речи Святослава нет. Вместо нее имеется достаточно свободный пересказ того, что записано у Льва Диакона. «Свендослав же убедил их (свое окружение. – П.Т.) решиться на еще одну битву с ромеями и либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх?»²⁹.

И, наконец, речь Святослава в передаче русского автора: «И рече Святославъ: “Уже нам нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвии бо срама не имамъ.

²⁴ Диакон Лев. История. С. 71.

²⁵ Там же. С. 79.

²⁶ Там же. С. 87.

²⁷ Там же.

²⁸ Диакон Лев. История. С. 79.

²⁹ Там же. С. 130.

Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станем крѣпко, азъ же передъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»³⁰.

При сравнении этих трех «речей» легко убедиться, что наиболее естественной для боевого клича несомненно является летописная. Она краткая, эмоционально непосредственная и образная. Ощущение такое, что записана одним из тех, к кому обращался Святослав со своим пламенным призывом. Благодаря своей афористичности она вполне могла сохраниться и в русской народной памяти. И, конечно же, в ней нет ничего, чтобы указывало на зависимость от иноземного письменного источника.

О том, что и вся летописная история дунайских походов не восходит к иноземному источнику свидетельствует ее пафос. А.А. Шахматов утверждал, что «болгарская хроника окружила Святослава известным ореолом, он стал для нее сказочным героем». Он также не исключал наличия в этой таинственной хронике и характеристики Святослава, повлиявшей на ту, что была внесена в Древнейший свод³¹. Но в этом утверждении нет не только источниковой основы, но и рациональной логики. К чему бы это болгарскому автору героизировать завоевателя своей страны. Разве мог он симпатизировать тому, что царь Борис после овладения Святославом Переяславцем и Доростолом оказался фактически пленником в своей собственной стране? И разве не знал он, что русичи, на начальном этапе военной кампании, оказались в сговоре с византийцами, склонившими их к нападению на болгар³², что, разорив многие болгарские города и села и захватив обильную добычу, они и вообще захотели остаться в их стране навсегда? Не могли расположить его к Святославу и кровавые жертвоприношения болгар под Доростолом³³.

А.А. Шахматову казалось, что прославляя русских, национальное чувство болгар, униженное порабощением их Святославом, искало тем самым себе утешение в мысли, что Святослав бил и греков³⁴. Но это совершенно невероятно, тем более, что в конце концов болгары оказались в союзе с византийцами, а царь Борис был провозглашен Иоанном Цимисхием владыкой болгар³⁵. Конечно, особого расположения к Святославу можно было ожидать только от русского летописца. Ему, а не какому-то болгарскому анониму, принадлежит фраза: «И легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяще»³⁶.

Не свидетельствует в пользу зависимости составителя Древнейшего свода в описании дунайских походов Святослава от «болгарской» хроники и то,

³⁰ ПВЛ. С. 50.

³¹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 130.

³² По свидетельству Иоанна Скилицы, первый поход Святослава на Дунай был инспирирован византийской дипломатией, пытавшейся чужими руками примерно наказать непослушных болгар, уклонявшихся от охраны имперских границ от печенежских набегов. Глухое указание на это содержится и в русской летописи, уточнившей, что в 967 г. Святослав пошел не просто на Дунай, но «на Болгары».

³³ Диакон Лев. История. С. 78, 120.

³⁴ Шахматов А.А. Разыскания... С. 131.

³⁵ Диакон Лев. История. С. 72.

³⁶ ПВЛ. С. 46. Учитывая стилистическую близость этой фразы с той, что в Амартола относится к Александру Македонскому, можно предположить, что она появилась в летописи, скорее всего, на этапе создания «Повести временных лет».

что кроме смыслового созвучия княжеской речи перед Доростольской битвой в нем нет больше ничего, с чем мы встречаемся в трудах Льва Диакона и Иоанна Скилицы. В русской летописи содержится информация, несовпадающая с той, которую сообщают греческие авторы, а они, в свою очередь, в ряде случаев не согласны один с другим. Вот только несколько примеров.

Русский летописец определяет численность греческого войска, участвовавшего в отражении вторжения Святослава, цифрой в 100 тыс.: «И построиша грѣци 100 тысящ на Святослава»³⁷. Лев Диакон свидетельствует, что Иоанн Цимиский привел к Переяславцу фалангу воинов, сплошь закрытых панцырями и называвшихся «бессмертными», ок. 15 тыс. гоплитов, 30 тыс. всадников, а также «остальное войско» под водительством проедра Василия³⁸. Иоанн Скилица дает такие цифры: 5 тыс. пеших и 4 тыс. всадников³⁹.

Из не совсем выразительного летописного рассказа можно сделать заключение, что, овладев Переяславцем, Святослав с основными силами продолжил свой поход к Доростолу. Аналогичную информацию находим и у Льва Диакона, сообщившего, что во время штурма греками Переяславца в нем не было Святослава⁴⁰. Иоанн Скилица в одном месте говорит, что Святослав находился в Переславце и ободрял русских воинов, а в другом утверждает, что Святослав, узнав о падении Преславы, пришел в замешательство⁴¹.

Во время переговоров о возможном откупе греков в обмен на прекращение военных действий Святослав схитрил и удвоил численность своего войска. «И рече имъ Святославъ: “Есть нас 20 тысящъ, и прирече 10 тысящъ, бѣ бо Руси 10 тысящъ толко”»⁴². Лев Диакон свидетельствует, что войско тавроскифов насчитывало «около шестидесяти тысяч», а после понесенных потерь под Переяславцем и Доростолом сократилось до 22 тысяч⁴³. У Иоанна Скилицы приводится вообще фантастическая цифра – более 300 тыс. воинов Святослава, участвовавших в Доростольской битве⁴⁴. Не согласны между собой свидетельства трех авторов и относительно воеводы Святослава Свенельда. Греческие утверждают, что он был убит во время Доростольской битвы, хотя и расходятся с определением его ранга. Согласно Льву Диакону, он занимал третье, после Святослава, место в руководстве русским войском, а Иоанн Скилица отводил ему второе. По сообщению русской летописи, Свенельд избежал смерти во время балканской военной кампании, пережил трагедию на днепровских порогах и благополучно вернулся в Киев: «Свѣнальдъ же приде Киеву»⁴⁵.

Сказанное выше не дает оснований утверждать, что составитель Древнейшего свода в своем рассказе о походах Святослава на Дунай и Болгарию пользовался какой-то неизвестной «болгарской» хроникой. У него или бо-

³⁷ ПВЛ. С. 50.

³⁸ *Диакон Лев. История.* С. 70.

³⁹ Там же. С. 205.

⁴⁰ Там же. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 126.

⁴² ПВЛ. С. 50.

⁴³ *Диакон Лев. История.* С. 73.

⁴⁴ Там же. С. 127.

⁴⁵ ПВЛ. С. 53.

лее раннего его коллеги, составлявшего летописный свод 996 г., наверное были кроме устных преданий какие-то письменные свидетельства об этих событиях, но только не иноземные, а русские. В пользу такого предположения свидетельствует достаточно подробное описание балканской кампании Святослава. Автор этой героической дружинной повести не пересказывает события давно минувших дней, а как бы сам присутствует в них. Битва за Переяславец началась не очень удачно для русских. Чаша весов начала было склоняться в сторону болгар, но после обращения Святослава к своим воинам с боевым призывом – «потягнемъ мужьски братья и дружино» – преимущество перешло к русским. Окончательно их победа определилась только к вечеру.

Эффект авторского присутствия обнаруживается и в рассказе о много-раундовых переговорах Святослава с греками после его поражения под Доростолом. Он детализирован, передан чуть ли не с протокольной подробностью. В нем сообщается о хитрости византийцев, пытавшихся посредством обещания уплатить дань на каждого воина выведать численность русских сил, о смекалке русских, удвоивших количество оставшихся в живых русских воинов. Свидетельства о дарах византийцев, пытавшихся склонить Святослава к мирным переговорам, носят несколько сказочный характер, хотя вряд ли приходится сомневаться в их реальности. Ведь это была обычная практика византийской дипломатии и вовсе не исключено, что Иоанн Цимисхий действительно «искушал» Святослава дорогими дарами.

Особой реалистичностью отличается сюжет о посылке к Цимисхию русского посольства с согласием Святослава заключить мир. Летописец передал прямую речь князя, из которой явствовало, что русские находились практически в безвыходном положении. «Аще не створимъ мира со царемъ, а увестъ (узнает. – П.Т.) царь, яко мало насть есть, пришедше оступять ны въ градъ»⁴⁶. Лучшие мужи, которым, как замечает автор рассказа, «люба бысть рѣчь си», передали ее византийскому императору. Он обрадовался этому и «повелѣ писцю писати вся рѣчи Святослава на харатью»⁴⁷. Из продолжения рассказа следует, что писец записывал эту речь со слов русского посла. «Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ писати»⁴⁸. Читая эту фразу, трудно отрешиться от мысли, что, во-первых, ее автором и есть тот самый посол Святослава, который «глаголах вся рѣчи», а, во-вторых, что говорил он их не по памяти, а зачитывал по русскому тексту. Это ведь были договорные обязательства Святослава, не исключено, предварительно уже согласованные с греками.

Таким образом, информативная полнота летописных известий о балканских походах Святослава, наличие в них прямых речей участников тех драматических событий, а также подробностей, которые невозможно отнести на счет позднейших припоминаний, не оставляют сомнений в том, что письменная их фиксация произошла во времена близкие к самим событиям.

⁴⁶ Там же. С. 51.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 51–52.